

ГРИГОРИЙ
НЕДЕЛЬКО

ДИЛЛЮЗИИ

Григорий Неделько

Диллюзии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19042496
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Иногда может показаться, что наша жизнь – не больше чем выдумка, фантазия, иллюзия. Но ведь мы рождены, чтобы жить именно в этой, своей жизни. Так разве не отличим мы правду от вымысла? И разве не даровано нам Богом, Вселенной, природой – называйте как угодно – право, а вместе с ним и возможность управлять собственной судьбой? Сборник фантастических рассказов и миниатюр говорит как раз об этом: о жизни внутри жизни и о нашей роли в ней, о способности видеть и понимать некую иллюзорность существования – и, если надо, подправлять её методом обращения, т. е. – диллюзией.

Содержание

Период вращения	4
Месть как она есть	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Григорий Неделько

Диллюзии

Период вращения

Предисловие:

Посвящаю рассказ мэтрам фантастики Бобу Шоу и Джеймсу Уайту.

Первый придумал инопланетянина под названием «драмбон» и подарил второму для того, чтобы, когда они создадут произведения с участием этого персонажа, посмотреть, через какое время тот перекоцует в творчество других писателей-фантастов. Вернее, перекаатится.

А не настало ли время?

Да, придуманные мной названия из данного текста, по принципу «передай другому», вынужденно, однако радостно дарю всем желающим.

Н. Г. А.

0

Любой вид существ, взошедший на ступень эволюционной лестницы, откуда открывался путь к космическим полётам, должен был, по определению, быть цивилизованным.

(Дж. Уайт «Скорая помощь»)

1

[Данный художественный текст является вольным пересказом информации, полученной путём дешифрации съёмного рабочего мозгового чипа специалиста-спасателя под кодовым именем Катока, который относится к виду драмбонов.

Любое преувеличение или преуменьшение событий или каких-либо характеристик персонажей – случайно.

Приятного чтения!]

2

Трепель вызова застала Катка на кровати. Закрутившись – поскольку был драмбоном, а значит, не обладал сердцем, зато умел передвигаться и настраивать собственное тело, быст-

ро вращаясь, – он съехал с кровати, приблизился к шкафу, вынул спецодежду и облачился в неё. Приведя себя в порядок, Каток покинул жилой, обделанный металлом, механизированный отсек, чтобы отправиться на встречу с координатором Инером.

Имя, а точнее, рабочее прозвище, Каток получил не из-за роста: крупным телосложением, тем более для «масштабных» драмбонов, он не отличался, зато очень неплохо владел пространственным ориентированием, умел перемещаться на большой скорости, наклоняться и подпрыгивать, не задевая встречных спасателей, а также брался почти за любые задачи. Почти, потому что исполнителям его расы закон позволял отказываться от задач, идущих в разрез с их религиозными, политическими либо же психологическими убеждениями.

Прокрутившись длинным, петляющим, пустым коридором, Каток подъехал к округлой двери перед кабинетом Инера.

– Крит Инер, разрешите войти, – подал он голос в миниатюрный настенный переговорник.

– Входи, – ответил глубокий грозный бас в остальном вежливого и доброжелательного начальника.

Разъединившись на секции, что скользнули в отверстия в стенах, дверь открылась; Каток закрутился внутрь.

Драмбонам требовалось чётко контролировать способ и силу вращения, так как они обитали на планете с понижен-

ной гравитацией, а следовательно, подобное перемещение оказалось для них единственно возможным. Если же упустить контроль хоть на секунду, расшибёшься в лепешку или разлетишься на части. Пониманию процессов окружающего мира, начиная со своего тела и заканчивая положением светила в небе, драмбонов учили с младенчества; правда, дети от взрослых особей отличались лишь размерами: в среде крутящихся существ-«пончиков» давно приняли за правило, что ребёнок – будущий полноценный член общества.

– Ты опять порадовал оперативностью. Молодец, – похвалил Инер.

Не зря его прозвали Инером, то есть Инерционным: он и ещё лишь несколько драмбонов умели обращать вспять телесные изменения и процессы внутри организма – в определённом смысле, конечно, и всё же обратники вроде руководителя Катка заслужили всеобщее уважение. Кабинет начальника – и обстановкой, и чистотой – в полной мере соответствовал личности владельца, мощной и честной.

– Стараюсь не выбиваться из графика, – как на духу ответил Каток.

– Что ж, отставим в сторону ненужные вступления и перейдём сразу к делу, – сказал Инер и, переместившись к настенному проектору, включил его. – Сейчас ты увидишь кое-какие засекреченные кадры. Прошу тебя никому о них не сообщать и при просмотре сдерживать эмоциональные всплески.

– Крит Инер, этому нас обучали в раннем детстве.

– Я знаю. И тем не менее прошу. Да, и разрешаю обращаться ко мне не обезличенно, как положено по уставу, крит, существо, а фамильярно – тип.

– Отчего же? – не удержался от вопроса Каток.

– Вот видишь, о таких-то всплесках я тебе и говорил, – по-доброму указал Инер. Он не всегда вёл себя обезоруживающе корректно, однако вести диалог с подчинёнными и вышестоящими предпочитал лишь в вежливой манере, подчёркнуто сглаживая углы.

– Извините, крит... я имел в виду, тип Инер.

– Хорошо, я понял, тип Каток. Отвечая же на твой вопрос: так нам проще будет установить атмосферу взаимопонимания, учитывая, что брифинг предстоит сложный. А теперь взгляни на экран.

Идеальная плоскость, «выстрелив» изображениями сверху и снизу, наложила их друг на друга, создав удивительно чёткую и реалистичную голограмму.

– Первый кадр, – комментировал картинки Инер. – Звездолёт «Кат», перевозивший исследователей дальних миров. Весь экипаж предварительно прошёл особые, сложные курсы и тренинги...

– Извините, что перебиваю, тип Инер. Вы сказали, «перевозивший»?

– К несчастью, да.

– А что же с ними случилось?

– Это тебе и предстоит выяснить. Взгляни на монитор.

Каток машинально наклонился в «жесте» согласия, повернулся к проектору – и чуть не упал на пол от нахлынувших эмоций: теперь понятно, о чём предупреждал заботливый босс. Картинка наподобие той, что открылась Катку, вызвала бурю чувств: от профессионального любопытства до обыкновенного мандража.

Если на первом голокадре «Кат» смотрелся снаружи привычным скоростным межзвёздным лайнером, без заметных невооружённому глазу внешних повреждений, то на второй картинке, изображавшей внутренности корабля, виднелись покорёженный металл, искры, сыплющиеся на пол из перерубленных проводов, и поднимающиеся к потолку, тоненькие струйки дыма. Проекция была трёхмерной, подвижной (в режиме псевдореального времени) и видеореалистичной.

– Ничего себе... – помня о предупреждении Инера, выдохнул, а не воскликнул Каток.

– Именно. Впрочем, ты пока не видел третьего снимка.

На снимке номер три, по команде начальника сменившем второй, устрашала взгляд полопавшимися ретортами и пролившимися токсичными и ядовитыми жидкостями корабельная лаборатория. На кадре-четыре помигивала двумя-тремя плохо функционирующими лампочками погружённая во мрак столовая. На пятом – снова коридор, на сей раз без следов разрушения, однако выпачканный чем-то чёрным.

– Смазка? – предположил всматривающийся в детали снимка Каток.

– Или топливо. Или мазут, или нефть, или что-то другое, – продлил ряд Инер. – Сложно понять. Мы с шишками и спецами долго вглядывались. А вот и последний кадр из тех, что мы получили вместе с «чёрным» посланием сразу после того, как прервалась связь со звездолётом.

Шестое изображение едва ли не полностью закрывала собой неясная помеха: то ли тёмное пятно, то ли какой-то предмет, а может, тело. Разглядеть что-либо представлялось невозможным, если не считать вышедшего из строя подвижного сочленения в правом верхнем углу.

– Похоже на медицинский отсек, – выдвинул гипотезу Каток.

Инер наклонился.

– Мы тоже подумали об этом. А почему тогда в прогаллинах – здесь и здесь, – начальник указал где, – не видно медразметки?

– Стёрлась? Уничтожена?

– Не исключаю, как и того, что помещение не «лечилка».

– А что, кадры не подписаны?

Инер невесело усмехнулся.

– И заметно попорчены. Да мы их и получили-то чудом: вышли на ежедневный сеанс связи с экипажем, перебросились парой слов, и вдруг – вспышка, шум, треск. Изображение пропало. Все тут же забили тревогу, стали выяснять, что

произошло, мгновенно отправили запрос о передаче бортовой информации, но никто не отозвался. А часа через два прилетел «чёрный ящик» с данными.

– Всё-таки авария, – подытожил услышанное Каток.

– Увы. И тебе предстоит разобраться в её причинах.

– А больше в расшифровке сигнала ничего не было?

Шесть кадров? Крайне мало...

– Поддерживаю. И подозреваю, что дело в поспешности, с которой сведения отправлялись.

Угукнув в знак согласия, Каток попросил пролистать шесть изображений по-новой и чуть медленнее.

– Углядел что-нибудь? – поинтересовался Инер, когда его подчинённый оторвался от созерцания последнего кадра.

– Мне почудилось на голографии столовой чьё-то движение... но, может, почудилось.

– А это уже интересно...

Шеф перещёлкнул кадры и стал рассматривать номер четыре.

– Тут, – показал Каток. – Видите?

– Ты прав... – задумчиво проговорил Инер. – Явно что-то двигается... Хм, ну что же, теперь ты, видимо, знаешь, откуда на корабле начать поиски.

– У меня есть и ещё соображения.

– Отлично-отлично. Если понадобится, я всегда буду на связи, а соображения лучше проверяй на месте: это всем пойдёт на пользу, в особенности экипажу, за судьбу которого

мы волнуемся. Я тебе верю и рассчитываю на твои вдумчивость, опыт и находчивость.

– Боюсь, вы меня переоцениваете...

– Ничуть. И драмбоны, составлявшие рекомендации, тоже. Ну, длить дальше не вижу смысла.

– Понял вас. Разрешите идти? – Каток счёл нужным опять перейти к официальной манере диалога.

– Иди. И удачи.

Инер вкатился по дорожке в полость, окружённую креплёным железом, – столом директора-драмбона. Начальству, перебиравшему важные документы, присутствие работника более не требовалось, а потому Каток выскользнул из кабинета, заложив крутой вираж: и волнение снесало, и не терпелось приступить к порученному ответственному заданию.

3

В отсеке перехода вертуна встретила малоэмоциональная и неразговорчивая, однако постоянно проявляющая любопытность по всем вопросам старший механик Кру. Инер ничего не сказал о секретности задания, выходит, делиться с другими почётным поручением можно было – в пределах разумного, естественно.

– Привет, – поздоровалась Кру и, неторопливо крутясь, подкатилась к машине телепортации. – Подождёшь немного, у меня тут небольшая проблема.

– Что за проблема? – спросил Каток и тут же добавил: – Извини, если отвлекаю.

– Да ладно. Проблема? Соединяющий контакт вышел из строя, пытаюсь понять почему.

– Ну, здесь я тебе не помощник.

– Угу. Так-так-так... – Она открыла панель и порылась в ней. – Ага... О? – Кру извлекла из панели перерубленный светло-красный провод. – М-да...

– Что, всё очень плохо? – догадался Каток.

– Да не то чтобы... – неуверенно отозвалась дама-техник с Драмбо. – Просто замена соединяющего провода – дело долгое, кропотливое и для менее опытных технарей крайне неприятное.

– Но ты-то справишься? – и подбодрил, и осведомился Каток.

– Должна. Но придётся подождать.

– Сколько? Моё поручение, как ты наверняка догадалась из того, что я говорил, отлагательств не терпит.

– Полцикла где-то.

Цикл равнялся одному обращению планеты вокруг яркого солнца Драмм; так вышло, что название Драмбо родилось из «имени» светила и спутника планетарного тела, крошечного по вселенским меркам астероида Бо.

– Я не могу столько ждать, – честно заявил Каток.

– Понимаю. И потому предлагаю запасной вариант – портативная шлюпка.

– А разве её разработка закончена?

– Буквально на днях. И опытный образец протестирован. Я летала на этой штуке. – Мордашку Кру на миг озарила тёплая улыбка, на смену которой сразу же вновь пришло выражение профессиональной серьёзности. – Короче говоря, и тебе должно понравиться; главное, вспомни, чему научился, когда проходил курсы управления звездолётами, – принцип тот же самый, даже проще.

– Хорошо, спасибо.

– Тогда погоди ещё чуть-чуть.

Закружившись, техник пересекла отсек перехода наискосок, остановилась возле начинённой кибернетикой стенки, закрывающей хранилище аппаратуры для особых операций, и, не прекращая крутиться, наклонилась, чтобы коснуться сенсора. Зажужжал замок, открылся, дверь подалась вперёд, разъехалась, и обе её части подались назад, убираясь в пазы. Кру выдвинула из стены пульт, нажала несколько кнопок и, когда выехала полуавтоматическая полка, забрала с неё нечто определённо механическое, только почему-то совсем невеликое по размерам. Старший механик закрыла хранилище и, вернувшись к Катку, передала ему взятое устройство.

– Держи, оно нетяжёлое. Это что-то среднее между скафандром и миниатюрным кораблём-трансформером. Облечишься в него, а автоматика сделает остальное. В космосе костюм функционирует в полную силу, тогда как на Драмбо переходит в режим экономии энергии, поэтому снять его

можно, только возвратившись.

– Оно и к лучшему, – заметил Каток, – неизвестно, что меня ждёт на «Кате».

– С нетерпением буду ждать подробностей твоей вылазки. Надеюсь, всё пройдет хорошо.

– И я. Спасибо за новинку.

– Да что там, обращайся... Ладно, пора заниматься починкой.

Кру подкатила к неисправной панели и, выпростав четыре тоненькие ручки, принялась за ремонт.

Каток тем временем покинул отсек перехода и «вошёл» в предшлюзовую комнату. Найдя на «костюме» кнопку включения, он нажал её, дождался, когда трансформер разложится, сдвинул шлем скафандра и забрался внутрь устойчивого благодаря магнитам обмундирования; затем проследовал собственно в шлюз.

Части герметичной двери соединились, нормализуя давление, на экране загорелись цифры обратного отсчёта. Компьютерный голос объявил о готовности к вылету; Каток дёрнул за рычаг, люк раскрылся, и вертуна вытянуло в космос.

Круглый люк позади него встал на место, а драмбон, припомнив основные сведения из «Практики управления космическим транспортом», стал касаться выбранных сегментов внутри скафандра-перемещателя и регулировать его движения поворотами тела. Мини-шлюпка была рассчитана на космические перегрузки и трение, создаваемое безоста-

новочно вращающимся пользователем. Никаких непривычных или вызывающих негативные эмоции ощущений Каток в процессе полёта не испытал. Его путешествие через холодное межзвёздное пространство к столь же холодному гиперпространственному лайнеру продолжалось менее трёх часов, если перевести драмбонское время в земное.

Громада «Ката» приближалась постепенно, однако довольно sporo, и наконец поравнялась с путешественником. Вертун активировал магниты, присоединился к корпусу и, «прошагав» по нему, подобрался к люку. Скруглённую квадратную дверь заклинило, пришлось применить резак, взятый со склада (это и некоторое иное оборудование входило в список снаряжения, обязательного для любого специалиста-спасателя).

Прекратили сыпать искры; Каток сложил резак, убрал в карман скафандра, навалился на дверь и втолкнул выпиленный кусок внутрь шлюзового помещения. Потом забрался сам. Огляделся, убедился, что комнатка чистая, а потому не может быть и речи о поспешном бегстве отсюда экипажа корабля.

«Но всё-таки что же с ними случилось?»

Не переставая задаваться этим вопросом, Каток включил систему аварийной герметизации; металлическая сетка затянула дыру, усилиями драмбона образовавшуюся в люке, сегменты съехались, перекрывая сообщение между внутренним и внешним пространством. Вертун, на непредвиденный слу-

чай, подождал десять-двадцать микроциклов и коснулся настенного сенсора. Дверь разъехалась, являя взгляду коридор потерпевшего аварию или крушение, или бог знает чего ещё звездолёта.

4

Каток выглянул в затенённый коридор, усеянный попеременно отказавшими лампочками, так же как всего лишь некачественно работающими и исправными. Коридор был тем самым, с одного из снимков: укрытый темнотой из-за испорченного освещения, озаряемый вспышками перерезанных проводов и испускающий тяжёлый, въедливый запах дыма. Каток осмотрелся – кажется, рядом никакого присутствия. Озадаченный ещё сильнее, драмбон извлёк из кармана скафандра лазерный резак, чтобы в случае нужды дать отпор врагу, и, отгоняя навязчивые мысли, двинулся по трудноразличимой тропе металла.

Дорожка петляла и разветвлялась, и в выборе направления вертун руководствовался планом звездолёта, прозрачным двумерным листом, отображавшимся на внутренней стороне шлема. Очередная пара поворотов привела Катка к месту, обозначенному на голочертеже «Чистый коридор»; значит, его местонахождение либо удалось установить, либо успели отметить. Но если принять за правильный первый вариант, об этом бы спасателю непременно сообщили. Оста-

вался вариант номер два, а раз так, в коридоре или же поблизости от него, скорее всего, находилось нечто важное.

Чистым коридор был назван потому, что его не «украшали» следы разрушения вроде тех, на которые недавно наткнулся Каток. А три тёмных следа – два на полу и один на стене – при ближайшем рассмотрении правда весьма напоминали смазку, только какую-то странную: если глаза и анализатор не обманывали, в ней присутствовали органические примеси неустановленного происхождения. Он взял пробу, чтобы по возвращении лаборанты более подробно исследовали образец.

Прицепив резак к рукаву, вертун начал тщательно исследовать обстановку. На первый взгляд, ничего интересного не обнаруживалось, и тогда он прибег к спецоборудованию. Одно из устройств, позволяющее отыскивать пострадавших за толстыми преградами, казалось бы, подходило как нельзя лучше, однако лайнер, ввиду секретности миссии, с которой он отправлялся бороздить космос, был надёжно экранирован. Тем не менее, экранировка глушила сигналы не целиком; основываясь на обрывках информации, Каток предполагал подобраться к разгадке тайны корабля. Если постигнет неудача, просто продолжит осмотр межгалактического судна; такая возможность не исключалась, хоть и была маловероятной: слишком много на борту электроники и чересчур велико создаваемое ей излучение, чтобы индикатор не засёк ни волны сбоя.

И он действительно засёк: согласно показаниям индикатора, что-то медленно двигалось за стеной. Каток убрал прибор, прошёл немногим дальше и убедился, что надо возвращаться, поскольку в конце коридор переходил в развилку, а там, где могла бы находиться дверь, сплошняком шла стена.

Снова в ход пошёл резак; прежде же его владелец повторно просканировал пространство вокругдвигающегося тела, на предельной мощности, полностью истратив ресурсы индикатора. Это дало результат: во-первых, выяснилось, что неизвестное тело – раненый, но живой драмбон, а во-вторых, напротив того места, где стоял сейчас Каток, ранее располагалась дверь. Она и теперь никуда не исчезла, просто была невидна под толстым слоем металла; кому и зачем понадобилось её прятать, оставалось только гадать.

Защитные перчатки – на руки, включить резак, огнём проделать отверстие, выключить устройство и снова прицепить к рукаву, снять перчатки. Процедура привычная и неволнительная, беспокойство вызывало другое – то, что скрывалось за стеной... чем бы оно ни было.

«Вот и настала пора выяснить», – подумал Каток и толкнул вырезанный кусок преграды. Тот рухнул, на миг оглушив, когда грохнулся об пол. Каток «ступил» в темноту.

За тьмой, когда глаза привыкли, обнаружилась столовая с изображения под номером четыре. Задействовав встроенные в скафандр фонарики и отрегулировав их свечение, вертун направился к пострадавшему собрату, чьё местонахож-

дение отметил на виртуальном плане. Понимая, что из-за стресса и возможной раны предсказать реакцию раненого не удастся, Каток подъезжал медленно. Лишь в самой близости он понял, что тело двигается не потому, что пытается встать или выбраться из-под обломков (их поблизости и не наблюдалось), – судороги сотрясали драмбона. Каток поспешил к нему, на ходу вытаскивая медсканер. Спасатель несильно облучил лежащего, таким образом получив сведения о его состоянии; спустя несколько мгновений на экране отобразилась расшифровка.

Удивительные события следовали друг за другом и прекращаться, похоже, не собирались – аппарат уверенно, на 99,63 %, сообщал, что раненый вовсе не ранен, а цел и невредим и всего лишь пребывает в бессознательном состоянии. При этом процессы его организма (как внешние, так и внутренние) в норме. Не в силах осмыслить этого, Каток провёл вторичный и третичный анализы – с тем же успехом.

Рука потянулась ко встроенной рации с усиленным сигналом.

– Крит Инер, приём.

– Приём, Каток, – отозвался Инер.

Спасатель вкратце описал начальнику ситуацию, а после спросил, что ему предпринять в отношении потерявшего сознание драмбона.

– Помести его в защитный купол и заканчивай осмотр.

– Да он только начат...

– Тем более. Хорошо, что вышел на связь.

Инер отключился, а Каток, достав портативный генератор биополя, положил кругляш на пол, у судорожно подрагивающего тела. Нажатие кнопки, и потерявшего сознание драмбона охватило еле различимое голубоватое свечение.

Инер всё правильно сказал, вообще-то Каток и сам предполагал сделать именно так, но в нестандартных ситуациях посоветоваться с начальством никогда не лишне, тем более если оно настаивало на обратной связи. Каток вышел в коридор и продолжил странствие по загадочному космическому кораблю, что вызывало царящей внутри него тишиной всё нарастающее напряжение.

5

Следующей «подвернулась» лаборатория. Хотя её не отметили в послании, понять это было несложно: сквозь вывороченные двери ясно проглядывало обожжённое и покрытое копотью просторное помещение со следами битого стекла. Реторты, колбы и прочие сосуды превратились в мусор, так же как образцы, что везли на вновь осваиваемую планету путешественники через континуум. Едкий, ядовитый запах куда-то подевался – вероятно, его удалила автомат-вентиляция. А вот с потёками, трещинами и «ожогами» на полу ей не справиться.

Вскрыв дверь, Каток понуро бродил среди обломков и

осколков. Расстроенный тем фактом, что множество ценных, иногда подолгу готовившихся образцов безвозвратно утеряно, даже он, специалист высокого класса, не мог в полной мере сдержать чувств. Но нельзя было «вешать нос», как выражались некоторые из иномирных побратимов, в частности, земляне, от кого и пошло это выражение. Убедившись, что сколько-нибудь полезных свидетельств о произошедшем в лаборатории не сохранилось, Каток покинул её и перевёл спецкостюм из режима усиленной защиты обратно в обычный.

Путь спасателя лежал дальше и привёл его к странному помещению, не отмеченному ни в сигнале бедствия, ни на плане. Вертун ещё раз набрал шефу, однако и тот ничего не знал о тяжелой овальной двери со сверхзащищённым электрическим замком, а равно и о том, что могло скрываться за ней.

В тот момент когда Каток уже готовился повторить операцию с резаком, внезапно погас свет. Драмбон на секунду опешил, а через миг упал на пол, потому что неясная сила бросила его наземь. Происходило что-то странное и, возможно, связанное с таинственными событиями на корабле, потому Каток решил не спешить и проанализировать ситуацию, осмотревшись при помощи встроенной системы слежения. Включённый ночной режим не дал каких-либо результатов: только толстый полый шланг вентиляции гипотетически способен двигаться, если, конечно, ему помочь; и при

том ни следа присутствия чужака либо своего.

Каток завертелся быстрее, поднимаясь на ноги, и тут стало ясно, что свалило его, – то же самое, что обрушилось сейчас, связывая по рукам и ногам: эластичная, однако удивительно прочная вентиляционная труба с сочленениями! Спасатель дёргался, пытаясь освободиться, но шланг стягивал сильно и не отпускал.

– Эй, да что происходит? – не выдержал Каток. – Ты что, жизнь заразила? А ну отпусти, тебе сказали, у меня срочное задание: надо собрать спасать!

Он потянулся к раздвижному отбойнику, единственному прибору из своего арсенала, каковой в данном положении мог бы помочь. Но нет, шланг тотчас отпустил пленника, лишь для того чтобы выбить из его рук электромолоток. Каток бросился за ним, когда заставил замереть на месте чей-то приглушённый безэмоциональный голос:

– Я понимать. Внимать. – И после недолгой паузы, словно бы говоривший с трудом подбирал слова (а кажется, так и было): – Входить. Я – за дверь.

Каток опешил. Он не знал, чего ему хочется больше: схватить молоток, поинтересоваться, кто с ним разговаривает, или дожидаться возможного продолжения разговора. Всё произошло, пока он решал: замок на двери пикнул, загорелся циферблат, раздалось шипение, и медленно-медленно дверь отъехала в сторону.

– Заходить, – повторил голос, звучавший уже гораздо

громче.

Каток всё-таки потянулся за молотком, однако глас оставил его:

– Не надо. Не опасность. Только говорить.

Терзаемый сомнениями, спасатель всё же послушался. Если бы от него хотели избавиться, давно бы это сделали, особенно учитывая, какая незавидная участь постигла того малого в столовой и, вполне вероятно, остальных из экипажа. Собрав волю в кулак, Каток неспешно приблизился к двери. Никто его не торопил – получается, обладателю голоса можно доверять? Кто знает...

Каток осторожно заглянул в помещение за непонятной дверью – и обомлел.

6

Существо, распластавшееся на полу, больше всего напоминало огромный мотор с соплами и искусственными руками – и, каким бы нереалистичным не представлялось это предположение, похоже, таковым и являлось. Из левого сопла с равными короткими промежутками сыпались на пол маленькие фейерверки искр, сопровождаемые тоненькими струйками дыма; из правого же округлого полого предмета натекло тёмной вязкой жидкости, судя по всему, именно той, какой измазан коридор неподалёку от шлюза перехода.

Тело невиданного монстра поражало размерами и объё-

мом, а цвет имело густо-чёрно-коричневый. Существо – или робот, или что угодно другое – лежало спокойно, не двигая конечностями, а его три расположенных перевёрнутым треугольником квадратных, сетчатых, слабо подсвеченных глаза взглянули на Катка. Тот сразу догадался, что это-то массивное тело и закрывало обзор камере. Подвешена камера была в спецхранилище, о чём говорило немалое количество прочных контейнеров, возвышавшихся напротив дальней стены. Вышедшее из строя подвижное сочленение оказалось сломанным манипулятором.

– Приветствовать, – не раскрывая рта (может статься, оно и вовсе им не обладало), произнесло создание.

«Всё-таки робот?» – подумал Каток, а вслух сказал:

– И я приветствую тебя... вас. – Он говорил с несильным, но абсолютно понятным волнением.

– Не бояться, – не меняя интонации, продолжало существо. – Я не причинить вреда. Плохо знать язык, но рассказывать.

– Хорошо, – решил не спорить драмбон, однако ближе не подошёл и расслабиться себе не позволил. – Я внимательно слушаю. – На этот раз он не использовал местоимения, обращаясь к собеседнику: кто знает, как тот сам себя определяет и какие обращения приняты у него на родине, если вообще приняты.

– Моё название Исс, – между тем повествовало фантастическое создание. – Меня построить и направить на поиски

Из рассказа Исса следовало, что он – киборг со встроенным искусственным интеллектом усовершенствованной модели.

Создатели Исса во многом напоминали драмбонов, только представляли собой постоянно вращающиеся сферы и обитали примерно в двухстах парсеках от Драмбо, потому вертуны до сих пор и не обнаружили планету братьев по разуму. Сфиран (так называлась планета) был населён настолько плотно, что его жители оказались поставлены перед выбором: или искать дом для будущих потомков, или страдать от перенаселения. У них хватало времени, и они использовали его для создания киборга-поисковика Исса.

В полуорганическое-полумеханическое создание заложили всю необходимую информацию: знания и навыки сфиранов, умение ориентироваться в пространстве, самоопределение бесполой, как и у конструкторов, личности и так далее. Когда сборка, прошивание и подготовка завершились, Исс стартовал в космос.

Оснащённый гипердвигателем и регенератором световой энергии, две тысячи пятьсот семьдесят три вращения провёл он в полётах от звезды к звезде, прежде чем наткнулся на «Кат». Верно предположив, что лишь достаточно высо-

коразвитые существа способны построить космический лайнер, Исс принял решение пойти на контакт. Но для начала он, следуя заложенной программе, да и собственному имени, исследовал звездолёт рентгеновскими лучами. Вскоре его излучение засекли и, видимо, не разобравшись, кто он такой, выстрелили по нему из корабельных орудий. Это вызвало нестабильность в работе системы сканирования, и заряд рентген-лучей сбился.

Так совпало, что Исс в это время изучал моторонный отсек, пытаясь вникнуть в принцип работы двигателей. Он и сам работал – или жил, как выразилось бы, в отличие от него, большинство разумных рас, – словно двигатель: всегда потребляет и всегда вырабатывает энергию. В общем, итог неприятный – Исса закоротило, а его сбоящее излучение нарушило работу корабельного двигателя.

Киборг успел спастись и забраться внутрь через грузовой отсек, а весь экипаж перед этим погрузил в анабиотическо-гипнотический сон; движок же корабля он временно искусственно застопорил. На борту, как он успел узнать, имелся медицинский отсек, снабжённый всем необходимым для починки. Как только Исс поправит себе корпус, внутренности и зальёт топливо, он непременно вернёт вещи на место. И, конечно, его конструкторы с радостью пойдут на контакт с родственными душами, которые к тому же обладают очень похожими на сферанские телами.

– ...Обитатели Сферана непременно возместить нанесённый ущерб, – договорило изображение Исса, и экран погас.

Каток выжидательно и отчасти волнительно (впервые ведь участвует в подобном) взирал на Инера и ждал, что тот скажет. Его решение было не главным, но вердикт высшего руководства и службы контакта начальнику спасателей уже сообщили.

Инер увидел беспокойство сотрудника и поспешил смягчить ситуацию:

– Да не волнуйся, всё в порядке. Естественно, наши установят связь с инопланетянами. И естественно, они бы ни за что не упустили такой выгодной и прелюбопытной возможности. У них только одно условие, и выполнение его я поручаю тебе...

Каток стал весь внимание.

– ...Как драмбона, успешно и, можно сказать, молниеносно наладившего первый контакт, наши дипломаты отряжают к сферанам именно тебя, – пояснил Инер. – Так что ты уж воспользуйся этим и скажи, пожалуйста, своему новому другу Иссу, чтобы впредь постарался не ломать чужие государственные звездолёты. – Тут глаза главы спасателей озорно блеснули, и он весело прибавил: – В особенности если эти звездолёты, следуя секретному (в прошлом) поручению пра-

вительства, летели с исследовательской миссией к случайно открытой, пригодной для нашего обитания планете. А она, как ты наверняка догадался, носит запоминающееся название Сферан.

9

Вылет должен был состояться через десять циклов. За это время Каток успел пообщаться с Иссом на самые разные темы; Исс оказался очень словоохотливым, несмотря на то, что пока с трудом ориентировался в языке драмбонов. Киборг объяснял свою разговорчивость, любовь к фактам и стремление разложить окружающее, образно выражаясь, по полочкам заложенной в него программой.

– Я понимаю, что могу выглядеть чересчур любопытным, – говорил он на десятый цикл, уже вполне сносно, чем сильно удивил и обрадовал нового друга-вертуна. – Но это программа. Легче всего найти общий язык с другой расой, когда говоришь. И много. Однако я умею и слушать.

Постулат верный, что Каток не преминул подтвердить; и добавил:

– Я ни в коем случае не сержусь на тебя, хотя бы потому, что редко выпадает возможность установить связь с иной формой жизни, столь напоминающей тебя и твоих собратьев. Тем более, если кажется, что ближайший, по вселенским меркам, мир исследован и освоен.

– Мои создатели обитают на достаточном отдалении от вас. – Пусть разведчик сферан изъяснялся покуда неважно, в его речи то и дело проскакивали научные и псевдонаучные термины.

«Программа», – догадался Каток. А потом ответил на фразу собеседника:

– Ты прав. Впрочем, нам сложно судить о космических масштабах, не будучи до конца уверенными, по крайней мере, в протяжённости и мультивариативности вселенной. Но, тем не менее, сферане живут неблизко, это уж точно.

Каток рассмеялся; Исс подхватил смех – и за компанию, и чтобы натренировать доселе малоизвестную ему эмоцию, ведь поисковику ещё не приходилось общаться с инопланетянами, которые, насколько знали драмбоны, в большинстве своём обладают чувством юмора.

За разговором они не заметили, как подошла Кру.

– Корабль прилетел, вас ждут, – позвала она, вытирая ручки о тряпку.

– Надо же, заболтались, – отозвался Каток.

– Для нас чрезвычайно интересен и познавателен взаимный обмен информацией, – подытожил Исс.

Спорить нечего, а значит, оставалось лишь поблагодарить заботливую Кру и отправиться на борт.

Делегата и его проводника переправили на Сферан в грузовом отсеке; это объяснялось тем фактом, что по габаритам Исс не входил в обычный космолёт. Естественно, их не бросили на произвол судьбы, а разместили со всеми удобствами, в частности, внутрь помещения поставили пневмокресла, голопроектор, стол и стулья. Также там стоял визуальный рекордер, призванный запечатлеть полёт гражданина Драмбо и сопровождающего его киборга к далёкой звезде Сфир.

Задраили люки; путешественники приготовились к старту. Прозвучал обратный отсчёт, и спецкорабль, влекомый вверх контролируемым магнитным полем, взял курс к планете «разумных шаров», как их по-доброму и наедине с Катком называл Инер.

Перелёт выдался довольно продолжительным, учитывая отдалённость Сфирана, но прошёл в занимательной и весёлой атмосфере. На исходе последних суток тянувшийся к знаниям, прекрасно обучавшийся Исс запомнил множество реалий вертунов, освоил разговорный язык и даже стал иногда шутить.

Наконец бортовой компьютер отобразил на сверхплоском, вмонтированном в стену экране планету, по размерам сопоставимую с Драмбо.

– Приготовиться к посадке, – оповестили системы.

Автопилот заставил корабль повиснуть в космосе, дожидаясь действий пассажиров. Исс и Каток покинули стулья, сели в безопасные пневмокресла, пристегнулись, и драмбон дал голосовую команду к приземлению.

– Сто... девяносто девять... девяносто восемь... – пошёл отсчёт.

Звездолёт снижался, постепенно замедляя ход; он выпустил платформу и, под конец почти замерев, плавно, с еле ощутимым толчком коснулся поверхности Сфирана.

– Приземление завершено, – вновь оповестил компьютер. – Полётные данные...

Когда отзвучали сведения о длительности, протяжённости и прочих характеристиках полёта, пассажиры отсегнули ремни, выбрались из кресел и приблизились к люку. Каток провёл по сенсору открывания сверху вниз пальцами; с негромким шипением массивная овальная металлическая дверь отворилась. Корабль наполнился сфиранским воздухом, в целом пригодным для дыхания вертуна, но ещё более разреженным, а потому, чтобы не рисковать, он пока не снимал скафандра.

Путешественники выбрались наружу. Там их встречала целая делегация сфиранов – существ двадцать, а то и тридцать, и это если не считать пришедших поглазеть на дружелюбного пришельца зевак. Делегация стояла ближе к кораблю, остальные же приютились за поставленным на всякий случай заграждением. Сфиране во многом напоминали вер-

тунов: круглобokoстью, постоянным вращением, отсутствием чётко выраженного тела и, как утверждал Исс, сердца тоже. Имелось и немало отличий: масса тела у местных жителей раза в полтора-два превышала драмбоновскую, конечно-стей было больше, и по толщине они отнюдь не шли в сравнение с бочкообразной фигурой.

– Приветствуя, друзья и братья! – Один из встречающих сделал шаг вперёд и поднял ручку-веточку в жесте мира и благожелания: ладонь обращена к прилетевшему, пальцы разведены в стороны.

– Приветствую! – Драмбон повторил жест.

Далее случился неловкий момент: Каток проехал середины расстояния, что разделяло его и встречающего, однако тот продолжал стоять на месте. Сначала вертун удивился, потом заволновался, после чего, снедаемый сомнениями, негромко обратился к Иску. Но ответил ему всё тот же встречающий:

– Не волнуйся, друг и брат, мы настроены дружелюбно. Однако пойми, пожалуйста, верно: из-за условий на Сфиране мы вынуждены перемещаться как можно медленнее, чтобы случайно не навредить организму.

Каток опешил, а в уме начал торопливо подсчитывать вероятность того, что удастся наладить контакт с существами, которые, говоря начистоту, весьма внушительную часть жизни стояли на месте.

Встречающий же, тем временем, продолжал:

– Меня зовут Сёрк. Я – дипломат от Научного Центра

Сфирана. Мы очень надеемся, что вы, братья и друзья драмбоны, поможете нам преодолеть условия существования на Сфиране, чтобы нам удалось-таки самим выйти в открытый космос. Мы для того и создали Исса, чтобы он выполнил задачу, с которой нам не справиться. В благодарность мы согласны поделиться всеми знаниями, накопленными за долгие годы проживания здесь.

Улыбаясь, Сёрк ждал ответа.

«Нельзя молчать, – понял Каток, – надо что-то отвечать».

– Разумеется, мы постараемся вам помочь, – подбирая слова, заговорил он, – только не в силах дать гарантии, что вашу «проблему» удастся решить. Поймите, всё-таки драмбоны во многом отличаются от вас (я сужу по сведениям, что получил от Исса), а решение, как справиться с существующей проблемой, скорее всего, придёт в голову тому, кому эта проблема мешает.

Улыбнувшись шире прежнего, Сёрк кивнул, наклоняясь всем пузатым телом; а Каток крепко призадумался. Что делать дальше, оставалось совершенно туманным.

11

Минуло пятнадцать сфиранских циклов, в полтора раза превышавших циклы драмбонские. Каток с Иссом объездили, казалось, всю планету от края до края, посетив и Лабораторию, где выращивали и конструировали киборгов-помощ-

ников, и Школу-Пансионат для молодых драмбонов, и Дом Управления, где жили и трудились политики, и научные центры, и телерадиоцентры, и другие рабочие места... но проблема, неожиданно выросшая перед драмбонами и их новыми товарищами и союзниками, так и не находила разрешения.

На шестнадцатые сутки они втроём – Каток, Исс и Сёрк, которого Исс таскал повсюду на своих мощных, никогда не устающих руках, – сидели за круглым столом; они пили, ели и общались на разные темы. Никому не хотелось возвращаться к рассуждению о неприятности, поломавшей лбы самым видным сфиранам и драмбонам, однако это было неизбежно.

– Я, конечно, готовился ко всякому, – освоившись, уже более свободно общался Каток, – но вставшая перед нами задача (увы, стоит данный факт признать) из разряда неразрешимых.

– Похоже, – грустно согласился Сёрк. – А очень жаль: наши народы могли бы столько принести друг другу, столько рассказать и показать...

– Да, несомненно! – горячо поддержал Каток.

– Нужно искать решение, – твёрдо произнёс Сёрк.

Драмбон кивнул: безусловно, надо искать, но как? Где? Что за решение способно объединить в один два мира – словно бы кривые отражения друг друга? Каким образом сложить в целое паззлы «не с теми» гранями?...

– Вам стоит меньше волноваться, конструктор Сёрк, – проявил заботу Исс. И после обратился к Катку: – И тебе, друг Каток.

– Спасибо, приятель, – опечаленно откликнулся вертун. – Но, сам понимаешь, ситуация настраивает на определённый лад.

– Ты говорил мне, что результат зависит от точки зрения.

– Это правильно.

– А если поменять точку зрения?

– То есть? – не вник Каток.

– Наверное, Исс имеет в виду, что надо перестать видеть в проблеме проблему, и тогда она решится сама собой, – пояснил Сёрк.

– Именно о том я и говорю, – согласился киборг.

– Хм-м-м... – вдруг задумался Каток.

Сёрк с интересом и любопытством посмотрел на него.

– Ты до чего-то додумался, брат Каток?

– Возможно... – осторожно, чтобы не спугнуть намечавшуюся удачу, отозвался тот. – А скажи, тип Сёрк, долго ли вы придумывали устройства для дешифровки речи, которыми оснастили Исса и которыми пользуетесь сами, чтобы лучше понимать драмбонов, обучаться нашей речи и учить нас своему языку?

– Примерно сто циклов, если не ошибаюсь.

– Но это же очень быстро!

– Не исключено: не знаю наверняка. А у вас, на Драмбо,

разве открытия делаются медленнее?

– Намного!

– Хм-м, – задумался теперь Сёрк.

– А Исс, – вёл свою линию Каток, – всегда тебе помогает?

– Да. Он и создан как помощник.

– И ещё я хорошо распознаю действия и желания построивших меня сфиран, – опять вступил в разговор Исс.

– Вот оно! – Каток аж прищёлкнул пальцами.

Сёрк и Исс со всевозрастающей любознательностью воззрились на него.

– Нам не надо ничего менять – и не нужно ничего решать, – огорошил драмбон, – потому что проблемы действительно не существует!

И он объяснил.

12

– Тип Каток, ты не перестаёшь меня изумлять и восхищать, – с улыбкой сказал Инер.

– Рад стараться, тип Инер! – бодро произнёс тот, кого только что похвалили.

– Должен заметить, что ожидал любого, в том числе полного провала контакта. Но чтобы две расы в будущем, вероятнее всего, слились в одно государство... Нет, это выше всяких похвал!

– Мне помогали друзья, – скромно уточнил Каток.

– И тем не менее, награду ты заслужил. Увеличение жалованья? Повышение по службе? Ценный подарок? – перечислял Инер. – Выбирай, что хочешь.

– Если возможно, крит Инер, я бы хотел отказаться от любых презентов и попробоваться наравне со всеми на пост дипломатического консультанта по связям со сфиранами.

Инер разулыбался.

– Да тебе и пробовать не надо – пост твой! Для того, кто догадался не объединить, а соединить два народа, это минимальная плата. Ответь только, как тебе подобное пришло в голову?

– Всё очень просто, – начал рассказ Каток. – Мы, по обыкновению, сидели с Иссом и Сёрком за столом, общались на различные темы. И вдруг само собой всплыло решение! Исс постоянно заботился о Сёрке, носил его, ставил куда нужно, помогал справляться со сложными делами – и это притом, что запрограммирован он, прежде всего, на космические перелёты и контакт с другими расами. Следовательно, Исс обучаем. Далее – он прекрасно понимает, что хочет сказать «хозяин», и в понятной, доступной для нас форме передаёт его мысли. Кроме того, сфиране – потрясающие учёные... Так и получилось, что я, сложив всё воедино, без труда нарисовал следующую картину: почти неподвижные, но высокоинтеллектуальные сфиране, перемещаемые вновь запрограммированными киборгами, общаются благодаря их посредству с нами, инициативными и мастеровитыми драмбонами.

– Да, чудесно, это просто чудесно, – не смог не согласиться Инер. Он хотел уже отпустить Катка, когда вдруг решил задать тому последний вопрос: – Ответь, тип Каток, может, у тебя есть идея, как драмбонам со сфиранами удачно и успешно сосуществовать на одной планете? И которая для того лучше подойдёт: Сфиран или Драмбо?

На лице Катка тотчас появилась хитреца.

– Я думал на эту тему, тип Инер. И вот что вам скажу: мне доставило минимум неудобств пребывание на Сфиране.

– Значит, Сфиран? – подвёл итог Инер.

Каток же покачал головой и закончил свою мысль:

– Но к тому времени, когда на самом деле встанет проблема о выборе планеты, мы общими усилиями, думаю, освоим какое-нибудь новое, подходящее для обеих рас галактическое тело. Или, учитывая силу взаимопомощи, даже не освоим, а создадим или перестроим!

Инер уважительно и довольно поджал губы, кивнул. Он опять выразил Катку благодарность и отправил того в заслуженный отпуск. Где же отдыхать от многочисленных дел – на родной планете или на планете-побратиме, – решать новоиспечённому драмбонскому дипломату.

Совершенно очевидно, что на этом полностью завершились проблемы с контактом между двумя такими похожими и такими разными народами. Однако же их совместная история – и это тоже не вызывало ровным счётом никаких сомнений – только начиналась.

(Октябрь – ноябрь 2014 года)

Месть как она есть

Мсть была жестокой, продуманной и бесповоротной. И простой, удивительно простой. А всё гениальное, как известно...

Он приделся, надушился дорогим одеколоном, нацепил тяжеленные золотые часы. Показал белозубую улыбку зеркалу, поправил воротник идеально выглаженной рубашки. Потом – за порог, закрыть квартиру. Подарок – в нагрудный карман; ключи от квартиры – в правый карман тёмных брюк, рука – в левый.

Утро встречало прохладой, утро встречало спокойным, несколько безразличным солнцем и привычным жужжанием и гудками машин: он жил недалеко от дороги. Асфальт, вымытый с утра оранжевыми машинами с мигалками, вёл его к автостоянке. Большая и крытая, она напоминала огромную коробку с окнами.

Вот он вошёл, поздоровался с охранником, зашагал дальше. Вот лифт с подсвечиваемыми красным кнопками, большими и круглыми, повинаясь приказу, довёз его на третий этаж. Вот он вышел и оттуда и, преодолев два поворота, остановился у новёхонького синего «форда».

Кто бы спросил, откуда у него сверхнадёжная машина последней модели, оснащённая новейшими достижениями

техники, он бы не ответил. Просто – не смог бы. Отключить сигнализацию, забраться из полумрака стоянки в полумрак салона. Включить зажигание, включить музыку – «Aerosmith» (а почему бы нет?). Когда мотор не то чтобы заревел, нет, слишком качественно был сделан автомобиль, – но всё-таки надсадно зарычал, он, с безразличным выражением на лице, вывел машину по узким дорожкам вниз.

You're my angel, —

хрипловато проникновенно выводил Стив Тайлер.

И дальше. И гитара Перри никуда не делась, и ударные, и бас, и вторая гитара. Всё оказалось на месте, что можно в целом сказать и о самом альбоме «Permanent Vacation», куда вошла эта песня. Да, «Angel»... отличная баллада... которую «смитовцы» не исполняют на концертах: наверное, надоела. И их несложно понять – только представьте, диск покупали из-за одной этой композиции. А задорного, забойного и притом мелодичного рок-н-ролла словно бы не замечали. Хард-рок в те годы медленно, но настойчиво умирал в сердцах слушателей; впрочем, ненадолго.

Значит, всё на месте? Он проверил нагрудный карман. На месте.

«Форд» выехал на шоссе, в начале отрезка пути не слишком оживлённое, но по мере приближения к цели всё сильнее наполнявшееся автомобилями.

Он слышал, что кто-то предлагал официально переименовать эти транспортные средства в авто. Солидно, смело и почти креативно. А почему не в мобили? Или ещё проще – мобы?

Он потряс головой, отгоняя ненужные мысли: только сейчас не хватало думать об *этом*.

Заложив крутую дугу, «форд» вывернул к дому в двадцать два этажа и, ведомый рукой владельца, примостился на специально отведённой площадке. Утро, и здесь машин тоже мало: кто-то уже уехал на работу, кто-то в ночном, да и район новый, не говоря о здании. Сколько новостройке: год? Два? Кажется, не больше. Ну точно, два.

Он вспомнил, как на 8 марта дарил ей ключи от трёхкомнатной квартиры: всё отделано, украшено, обставлено – въезжай и пользуйся. Что она и сделала. А через пару дней, когда он, немного освободившись от насущных дел, в основном по работе, приехал её навестить, эта шлюха лежала в постели с другим. Конечно, он расквасил тому уроду нос; сам же отделался парой небольших синяков на боку. *Этому* пришлось научиться летать с лестницы. Увы, как герой-любовник ни махал крылышками, воспарить над ступеньками не удалось. Что он там сломал – его личное дело: больше не появлялся, и слава богу. На его же счастье.

А *шлюха* два часа объясняла, почему она так сделала да зачем, да что имела в виду.

Имела. Будто бы он не догадывался, что она имела! Ха.

Нет, подумать только: два часа бесполезного монолога; он просто взял и выбросил их в мусорную кучу. За то же время смог бы сделать столько полезного – и для себя, и для других.

– Ты вообще меня слушаешь?! – тряся жиденькими светлыми волосами, истерично вопила она.

– Слушаю, – безразлично отзывался он. – А чего слушать? Про то, как ты имела? Ну... я представляю, хе. Знаешь ведь, не маленький.

– Да тебе плевать!

– Да. Мне плевать.

– Ты... ты...

– Ну? Кто? Ладно, хватит. Я пошёл. Захочешь ещё разбедить мои чувства к тебе – пообщайся со мной по душам. Хотя лучше не надо: боюсь, после сегодняшнего дня это ни к чему хорошему не приведёт.

– Самовлюблённый урод! – кричала она вслед, когда он разворачивался и уходил. – Гомик! Идиот! Я тебя совсем не интересую!..

«Это уж точно... Главное, понял вовремя».

И, честно признаться, он не хотел ей мстить – ни капли. Однако зря она кричала, разорялась на весь дом. Нет, разговорчики ему не претили, и к тому же остановить их или направить себе во благо – проще просто... если знаешь как, естественно. Она не знала. А ему уже было плевать.

И вот он приехал к ней снова, через полтора года после громкого расставания. Судачили, что она запила, после за-

летела, после лечилась, а затем...

Он усмехнулся про себя. Да что ж всякая ерунда в голову лезет: то о работе, то о бывшей любви.

Любви? Он не утверждал бы категорично. Когда-то она ему нравилось, но знакомство, начавшееся на жарком южном курорте, на песчаном пляже и под холодный мартини, не следовало заводить дальше. Совершенно не следовало: он убедился в этом, она убедилась, а в итоге... в итоге он вынужден сделать то, что, вероятнее всего, произойдёт где-нибудь через час-полтора. Если, разумеется, она не поумнела.

Он покачал головой.

«Что весьма сомнительно», – вздохнул про себя.

Палец надавил кнопку звонка. Долго никто не открывал, минуту или две, и он успел подумать, что её нет дома. И, тем не менее, замок всё-таки щёлкнул, отвлекая от созерцания молодых пышных зелёных деревьев за окном, бредущих по тротуару людей, рядом стоящих машин.

Она выглянула в приоткрытую дверь, неприятно удивив и даже поразив: растрёпанные, подкрашенные светлой краской волосы – наверное, рано начала седеть; синяки под глазами; отёкшее лицо. Он взглянул в эти круглые глаза на круглом лице, ещё два года назад казавшиеся во время секса глубокими озёрами, где можно утонуть. А теперь? Грязные лужи.

Захотелось развернуться и уйти, и оставить вещи на своих местах, поскольку его вмешательство не требовалось. Но

– он же человек слова, так? Иногда время неважно, иногда создаётся впечатление, что его нет вовсе. Ну, и соседи подначивали: да она с каждым встречным-поперечным путается... да она тебя материт везде... да она пытается тебя очернить... да она... да она... Это его слегка утомило, потому и пришлось принимать решение.

Он смотрел на неё, в прошлом – дочку обеспеченных родителей, не знавшую забот, не осведомлённую об ответственности, ни черта не смыслившую в жизни, науке, творчестве... да где угодно. Предпочитавшую просто вертеть юбкой.

«И во что ты превратилась?» – подмывало спросить.

Он сдержался и вместо этого протянул руку.

– Привет, Лика. Не ожидала?

– А... Андрюш? – слегка заикаясь от волнения, сказала она. – Да... то есть не ожидала... Входи-входи!

– Я не надолго.

– Ну что ты!.. Вернее, как хочешь.

Она поскорее отскочила в сторону, и он проскользнул в квартиру.

Лика закрыла дверь на замок и, стараясь унять дрожь, сложила руки на груди.

– Что тебя привело? Очень рада видеть, но... ты понимаешь...

– Понимаю.

И, без лишних слов, он извлёк из нагрудного кармана по-

дарок. Коробочку. А в коробочке...

Она трясущимися руками, не веря в происходящее, приняла даримое – от него, красивого, ухоженного, дурманяще пахнущего. Не то что она... Неуверенные пальцы открыли бархатную тёмно-красную крышечку и вытащили кольцо. Большое, со внушительным бриллиантом.

– Пришлось поискать, – заметил Андрей. – Ты не представляешь сколько.

И почти же не соврал...

Рука Лики сама, точно бы машинально, поднесла кольцо к безымянному пальцу.

– Погоди. – Андрей осторожно остановил её, взяв за пальцы, – и едва не поморщился: куда делась былая гладкость? Да, вот так мы сами, в погоне за лучшим или за иным, или за собственным «я», выбираем не свою стезю. Видимся себе не теми, кто мы есть на самом деле, и бесповоротно замарываемся с ног до головы. Окружающие могут этого не видеть, они способны верить практически во всё и считать тебя богиней, хотя по правде ты – лишь кусок дерьма. Правда когда-нибудь выплывет наружу...

– Что? – испуганно-удивлённо переспросила Лика.

Андрей промолчал. Он помнил, где находилась спальня, и отвёл бывшую возлюбленную туда...

...Ужаснее сегодняшнего секса у Андрея ещё не случилось. И дело не в запахе спиртного, которым пропиталась

комната, и не в вызывавшем ничего, кроме отвращения, дыхания Лики, её телодвижений, поползновений. Причина крылась в атмосфере: Андрей здесь – чужак.

И потому, едва всё закончилось, он, не пролежав в кровати пяти минут, собрался и молча ушёл. Он ничего не сохранил после себя, если не считать бархатной коробочки на галошнице в коридоре... и, пожалуй, если он хорошо знал Лику, странной надежды этой женщины. А за минувшие годы он изучил её совсем неплохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.